

ОБРАЗ ПРОТИВНИКА ТЕХНОЛОГИЙ В РАССКАЗЕ А. АЗИМОВА «РАБ КОРРЕКТУРЫ»: СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

А.Е. Уланова

Уланова Александра Евгеньевна — аспирант кафедры философии МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: aleksa.ulanova@yandex.ru

Уланова А.Е. 2020. Образ противника технологий в рассказе А. Азимова «Раб корректуры»: современная интерпретация. *Концепт: философия, религия, культура*. Том 4. No 2 (14). С. 135–143. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-2-14-135-143>

Статья поступила в редакцию: 09.10.2019. Принята к публикации: 30.03.2020.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

На примере образа Саймона Нинхеймера — противника научно-технического прогресса, описанного в рассказе А. Азимова «Раб корректуры», — прослеживается развитие идеи сопротивления механизации, которая в настоящее время находит всё больше сторонников вследствие усиления влияния на общество информационно-коммуникационных технологий в целом и искусственного интеллекта и робототехники в частности. Исторические и концептуальные основы подхода, базирующегося на выступлении против технологического развития, связываются с современными течениями, призывающими к постепенному, контролируемому внедрению инноваций. Происходит обращение к истокам луддизма, идеи которого сохраняются в романтической литературе и трансформируются в XX в. в неолуддизм. Теоретики данного движения используют философские концепции разных эпох для подтверждения легитимности собственного статуса, опираясь на взгляды Сократа, Ж.-Ж. Руссо и М. Хайдеггера, и успешно с этим справляются, вследствие чего в XXI в. под действием постмодерна активно развиваются более умеренные направления борьбы с научно-техническим прогрессом. Набирает силу «медленное движение», сторонники которого стремятся к замедлению темпа жизни и к вдумчивому, ответственному отношению к новым технологиям. Положения, лежащие в основе «медленного движения», оказываются созвучны дромологии П. Вирильо и медленной философии Г. Флейстада. Несмотря на распространение неолуддизма, в обществе данное течение имеет статус контркультуры, однако в связи со стремительным и порой не поддающимся контролю развитием технологий отношение к нему может измениться.

Ключевые слова: луддизм, неолуддизм, «медленное движение», дромология, панглоссионизм, постав, ИКТ, робот, искусственный интеллект, технологии.

«Раб корректуры» — рассказ А. Азимова, в котором описывается судебный процесс между компанией, производящей роботов, и профессором Саймоном Нинхеймером. Учёный работает в университете, арендовавшем робота-корректора для правки научных работ, сам он при этом является активным противником технологий. Антропоморфный робот Изи, способный на полноценное общение с человеком и безошибочно выполнявший все задания по корректировке текстов, в какой-то момент не только вносит правки орфографического и стилистического характера, но и радикально меняет смысл нескольких абзацев в монографии С. Нинхеймера, посвящённой социальным конфликтам при космических перелётах. Профессор, который изначально был крайне отрицательно настроен по отношению к Изи, возмущён, ведь его академическая репутация оказалась загубленной, и требует солидной денежной компенсации.

В ходе судебного разбирательства выясняется, что Нинхеймер лично внёс исправления в свою работу. Учёный надеялся переложить вину на Изи, тем самым очернив образ робота, помогающего людям. После того, как профессор признаётся в содеянном и процесс выигрывает производитель роботов, к нему домой приходит роботсихолог, участвовавшая в создании Изи и выступавшая на стороне компании в суде. Она просит Нинхеймера рассказать о причинах его поступка, и он объясняет ей, что машины в течение столетий поэтапно отбирали у человека его роль в создании произведений искусства или научных работ, в конце концов оставив ему только оперирование абстракциями, тогда как в процессе творчества между автором и его работой должны возникать «тысячи обратных связей, изменяющих и улучшающих первоначальную идею» [Азимов, 2008: 89]. Только обрабатывая, переделывая, изменяя творение, автор может углубить и усовершенствовать исходную идею.

В «Рабе корректуры» описаны три варианта отношения к научно-техническому прогрессу и к его непосредственным проявлениям. Первый основан на содействии

технологическому развитию и на создании инновационных продуктов, их контроле и активном продвижении. Его олицетворяет роботсихолог, благодаря которой производитель роботов выигрывает судебный процесс. Второй представлен сотрудниками университета, согласившимися на аренду Изи, то есть активно адаптирующимися к автоматизации интеллектуального труда людьми. Третий, выражающийся в неприятии научно-технического прогресса и в готовности активно ему противостоять, легко увидеть в образе профессора Нинхеймера.

Хотя все три взгляда на НТП интересны для изучения и анализа, в данной статье будет подробно рассматриваться последний из описанных выше подходов, так как именно в нем проявляется имеющая давнюю историю идея сопротивления механизации.

Саймона Нинхеймера можно назвать представителем неолуддизма — течения, переработавшего в XX в. идеи, возникшие в первой четверти XIX в. в Англии, когда по стране прошла волна протестов, связанных с внедрением паровых машин в работу ткацких производств, что, с точки зрения луддитов, приводило к уничтожению рабочих мест. Вдохновителем и предводителем движения считался Нед Лудд, или Генерал Лудд. Современные исследователи склонны полагать, что он представляет из себя подобие Робин Гуда и является собирательным образом трудолюбивого ткача, который, согласно легенде, сломал вязальный станок, удешевлявший его труд. История Неда Лудда, передававшаяся из уст в уста и обраставшая подробностями, стала фундаментом движения, противодействующего промышленной революции, и привела к многочисленным разрушениям машин на текстильных фабриках в Ноттингеме, Йоркшире и Манчестере. Правительственные войска жестко подавили восстание луддитов, но дело по борьбе с техническим прогрессом осталось жить в ставших мировой классикой произведениях британских писателей, например, в романе «Шерли» Ш. Бронте, в «Оде авторам билля» Дж. Байрона и в оказавшем значительное влияние на культуру XX в. романе

«Франкенштейн, или современный Прометей» М. Шелли [Jones, 2013: 122].

Вдохновленные историческими событиями и отображением позиции сторонников Неда Лудда в романтической литературе деятели новой волны — неолуддиты — выступают не против технологий, являющихся, по их мнению, неотъемлемой частью творчества и культуры, но против таких технологических форм, которые лежат в основе современного общества и поощряют механистический подход к жизни, основанный, в частности, на рациональном мышлении, утилитаризме и убежденности в превосходстве человека над природой [Glendinning, 1990: 50]. Они призывают к использованию альтернативных и возобновляемых источников энергии, к созданию технологий, происходящих непосредственно из естественных моделей и систем, к разработке социальных, политических, экономических подходов, основанных на сотрудничестве, доверии, ответственности и ведущих к устойчивому развитию. Что вполне закономерно, неолуддиты отрицательно относятся к ядерным, химическим, генно-инженерным и подобным им технологиям, особенно выделяя информационно-коммуникационную сферу, в том числе робототехнику и искусственный интеллект (ИИ).

Противники научно-технического прогресса представляют из себя крайне разнородную группу и используют для объяснения своих подходов и требований радикально противоположные формулировки. С одной стороны, существуют практики, готовые пойти на крайние меры, наподобие придуманного А. Азимовым С. Нинхеймера и существующего в реальности Т. Качинского. С другой стороны, есть исследователи, которые в мягкой форме призывают подумать, стоит ли реализовывать все возможности, предоставляемые НТП.

В контексте обсуждения «Раба корректуры» интересна работа «Манифест неолуддизма; или почему я не люблю роботов» Н. Хант-Балла, в которой автор подчёркивает, что его устраивает ИИ, применяемый для исправления орфографии в поисковых запросах или для разработки

более эффективных механизмов доставки почты, а беспокойство вызывают машины, способные на перемещение и принятие самостоятельных решений в ответ на изменения окружающей среды, т.е. роботы. Хант-Балл называет позицию, основанную на отношении к автоматам как к абсолютному или практически абсолютному социальному добру «панглоссионизмом в отношении роботов», показывая, что такой подход напоминает идеи персонажа повести Вольтера «Кандид», а значит, чрезвычайно наивен и может быть опасен для человечества. Приводя в пример проблему искусственного интеллекта, автор обращает внимание на необходимость изучения последствий внедрения технологий до периода их активного распространения, так как изменения, вызванные НТП, могут быть положительными, только если они не противоречат общечеловеческим ценностям, происходят в разумном темпе и улучшают жизнь большинства, а не ведут к увеличению доходов меньшинства [Hunt-Bull, 2006: 4]. Следует заметить, что подобные идеи ранее высказывал Э. Тоффлер в книге «Шок будущего», когда предлагал создавать комиссии из ученых, изучающих поведение, для оценки ими в динамике социальных последствий, которые могут быть вызваны новой технологией. При высокой вероятности сильных потрясений должны включаться механизмы приостановки инновации до достижения общественного консенсуса; также возможно распространение технологии при обеспечении мер, достаточных для компенсации отрицательных воздействий. «Рассматривая не просто специфические технологии, но и их отношения друг с другом, промежуток времени между ними, предлагаемую скорость распространения и тому подобные факторы, мы могли бы в конце концов добиться некоторого контроля над темпом перемен, а также над их направлением», — пишет Тоффлер [Тоффлер, 2002: 484].

Говоря о неолуддизме, стоит обратить внимание и на других авторов, которые считаются предшественниками, вдохновителями и сторонниками данного течения. Впервые, как полагают теоретики

направления, негативное отношение к тому, что теперь получило название «научно-технический прогресс», выразил Сократ, который в диалоге Платона «Федр» отрицательно высказывается о письменности, приводя в пример реакцию царя Таруса на изобретенные египетским божеством Тевтом письма: «В души научившихся им они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память. <...> Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость» [Платон, 1993: 278]. Стоит отметить, что, хотя позицию Сократа сложно трактовать однозначно, неолуддиты не сомневаются в неприязни философа к технологиям и часто упоминают об этом в своих работах.

Также с принципами, которые в дальнейшем легли в основу борьбы с научно-техническим прогрессом, могут ассоциироваться взгляды Ж.-Ж. Руссо. Казалось бы, сходство очевидно. В сочинении, посвященном изучению влияния наук и искусств на нравственность, французский философ продолжает мысль Сократа: «Существует древнее, перешедшее из Египта в Грецию предание о том, что науки изобрел один из богов, враг человеческого покоя» [Руссо, 2012: 63]. Руссо осуждает попытки людей выйти из состояния неведения, подчёркивая, что с развитием наук и искусств, которые являются порождением пороков, человек всё больше развращает свою душу. Т.И. Ойзерман в статье «Плодотворная противоречивость философско-исторических и общественно-политических воззрений (Социальная философия Жана-Жака Руссо)» отмечает амбивалентность позиции мыслителя, показывая, что как в первой, так и в дальнейших его работах есть и рассуждения о пользе знания и развития. Российский философ также обращает внимание на то, что двойственность Руссо является достоинством, ведь только благодаря ей видны «противоречия культурного развития человечества, противоречия, которые в современную эпоху стали еще более глубокими и очевидными» [Ойзерман, 2009: 148].

Неоднозначное отношение к научно-техническому развитию не исчезает и в XX в.

Более того, именно тогда появляется системный подход к технологиям как к угрозе, причём формируется он на основании взглядов, приписываемых, в первую очередь, М. Хайдеггеру. Его фигура особенно интересна для рассмотрения в данной статье, так как, во-первых, многие современные авторы открыто называют Хайдеггера неолуддитом, а во-вторых, можно увидеть общие черты между его взглядами на философию техники и идеями, прописанными А. Азимовым в «Рабе корректуры».

Считается, что М. Хайдеггер был первым, кто не столько описал проявления или причины развития техники, сколько открыл её сущность [Smith, 1991: 375]. В «Вопросе о технике» он утверждает, что распространенное представление о технике как о средстве достижения целей и как о человеческой деятельности является правильным, но не позволяет добраться до её сути. Из-за подобных взглядов мы «рабски прикованы к технике, безразлично, энтузиастически ли мы ее утверждаем или отвергаем» [Хайдеггер, 1993: 221]. Ещё хуже наиболее часто встречающееся нейтральное отношение к технике, которое «делает нас совершенно слепыми к ее существу» [Хайдеггер, 1993: 221]. Существо же техники, по Хайдеггеру, состоит в раскрытии потаённости. Способ раскрытия потаённости, реализуемый через современную технику, которая связана с добывающим производством, он называет поставом, что направляет человека по определённому пути исторического развития, основанного на естественных науках, точном расчёте и рационализме. Хотелось бы отметить, что Хайдеггер неоднократно подчёркивает пагубность «тупого фатализма слепых служителей или, что сводится к тому же, бессильных бунтарей против техники» [Хайдеггер, 1993: 232], поэтому необходимо поставить под вопрос возможность причисления немецкого философа к сторонникам борьбы с технологическим развитием, учитывая, впрочем, огромное влияние, которое он оказал на неолуддизм. Безусловно, М. Хайдеггер предупреждает об опасности раскрытия потаённости, которое само по себе есть риск, только по образу постава, так как, во-первых, «рас-

пространяется видимость, будто всё предстающее человеку стоит лишь постольку, поскольку так или иначе поставлено им», а во-вторых, «поставом скрадывается тот путь раскрытия тайны, который дает присутствующему явиться в смысле произведения» [Хайдеггер, 1993: 233], т.е. творчества. Но вместе с тем, цитируя Гельдерлина («Но где опасность, там вырастает // И спасительное»), он приходит к выводу, что именно благодаря поставу человек может вернуться к иному способу раскрытию потаённости, называемому ранее, как и техника, «техне» — к поэзии изящных искусств. Хайдеггер говорит, что «бытие требует человека», а В.В. Библихин, осмысливая его слова, добавляет: «Бытие никогда не говорит другим голосом, кроме зова тишины. Тишина кажется пустотой. Но кто вслушивается в нее, тому ее пустота открывается впускающим простором. Он допускает вещам быть тем, что они есть. Так слово мыслителя и поэта оказывается способно на то, что не дается всей деловитости поставы» [Библихин, 1989: 67].

Казалось бы, выход найден: человек может найти спасение от господства техники в творчестве. Но что, если постав постепенно захватывает и область искусств? Именно такую ситуацию описывает А. Азимов в «Рабе корректуры», и в настоящее время придуманная фантастом история начинает становиться реальностью. Современные информационно-коммуникационные технологии, особенно искусственный интеллект и робототехника, «медленно, но верно» проникают в музыку, живопись, поэзию и начинают проявлять нечто, напоминающее способность к творчеству, которое традиционно считается прерогативой человека.

Иной способ решения проблемы освобождения человека от техники предлагает Н.А. Бердяев, предполагая, что необходимо выбрать путь, способный поставить «человека выше природы и общества», поставить «душу человеческую выше всех природных и общественных сил, которые должны ему подчиниться», иными словами, путь к Богу [Бердяев, 1933: 37]. Как отмечает М.В. Силантьева, Бог у Бердяева — это «запредельное понятие», «абсолютное

совершенство», и «возвращение» к нему становится доступно в морали [Силантьева, 2017: 74]. Парадоксально, но подход, разрабатываемый русскими философами, имеет некоторое сходство с западной идеей «медленного движения», которое призывает вернуться к базовым человеческим ценностям и в XXI в. привлекает всё больше сторонников.

Предполагается, что концепция «медленного движения» (slowmovement) официально появилась в 1989 г., когда была создана международная организация «Медленное питание» (Slowfood), целью которой является борьба с популяризацией быстрого питания и быстрой жизни. Ее основатель К. Петрини предложил три принципа медленного питания: хорошо, чисто и честно (good, clean, fair). Впоследствии данные правила были распространены и на другие направления: медленный город, медленное образование, медленная наука, медленное воспитание, медленное телевидение и т.д. Были созданы многочисленные организации, распространяющие идеи замедления темпа жизни, такие как «Мировой институт медленности», «Сообщество замедления времени», «Международный институт неделания слишком многого» и др., а популярность данное течение стало приобретать после выхода книги К. Оноре «Без суеты. Как перестать спешить и начать жить», в которой автор рассказывает о различных течениях медленного движения и делает акцент на том, что в эпоху главенства культа скорости каждому человеку важно не просто замедлиться, но найти свой собственный, естественный темп [Оноре, 2017: 241].

Медленное движение не обошло стороной и научно-технический прогресс. Попытка использовать сформулированные К. Петрини принципы по отношению к ИКТ описана в статье «Медленные технологии: запрос на хорошие, чистые и честные ИКТ». Так, хорошие информационно-коммуникационные технологии должны помочь людям найти баланс между работой и свободным временем, изменяя сегодняшнюю ситуацию, когда они лишь ускоряют жизненный ритм и переводят человека в состояние перманентной активности.

Кроме того, необходимо осуществлять анализ рисков, связанных с внедрением технологий, причём авторы утверждают, что хорошие ИКТ обязаны быть результатом оценки и разработки инноваций, осуществляемой не только экспертами и специалистами, но и действующими и потенциальными пользователями (такой подход назван «совместным проектированием»). Идея чистых ИКТ связана с необходимостью максимально уменьшить вред от производства и использования технологических продуктов и с продлением их жизненного цикла, но в статье отмечается, что её реализация затруднена желанием потребителей накапливать материальные блага и следовать последним тенденциям технологической моды и стремлением производителей получить сиюминутную прибыль. Наконец, в основе подхода «честные ИКТ» лежит уважительное отношение ко всем сторонам, имеющим отношение к развитию технологий, а также стремление к распространению открытого программного обеспечения и к свободному доступу к спецификациям и схемам оборудования [Patrignani, 2014: 82].

Интересно отметить, что медленные технологии, как и всё медленное движение, созвучно философии П. Вирильо, для которого скорость является центральным понятием постиндустриального общества. Опираясь на феноменологическую традицию, он разрабатывает концепцию, основанную на идее дромоса (в переводе с греч. — «путь, проход, бег») [Сидоров, 2012: 138], и включающую в себя четыре основные сферы: дромологию, под которой понимается всестороннее изучение влияния скорости на человеческое существование, дромоскопию, или восприятие мира людьми, двигающимися с высокой скоростью, дромократию, т.е. власть скорости, что меняет социальные и политические структуры, и дромосферу — пространство, измеряемое и определяемое не с помощью объема, массы или плотности, но через скорость [Lennerfors, 2014: 290-293]. Являясь представителем постмодерна, П. Вирильо в разработке своей теории достигает высочайшего уровня абстракции, однако применяемая им самим концепция заклю-

чения времени в материальную оболочку в виде часов позволяет использовать идеи французского философа в физической реальности на практическом уровне.

П. Вирильо полагает, что благодаря ИКТ человечество почти что достигло предела скорости, т.е. мгновенности, которая стирает различия между прошлым, настоящим и будущим, заставляет нас терять историческую память и уверенность в завтрашнем дне и побуждает к концентрации на мгновении жизни, на *carpediem* [Virilio, 2012: 10]. Описанной автором угрозе, таящейся в современных технологиях, медленное движение противопоставляет подход, прекрасно выраженный норвежским мыслителем, специализирующемся, что интересно, на философии М. Хайдеггера, Г. Флейстадом в книге «Изучение медленной философии». По его мнению, так как темп жизни становится все более быстрым и для достижения успеха сегодня надо постоянно ускоряться, стоит напомнить людям о постоянстве наших основных потребностей, заключающихся в близости, заботе и любви, которые достигаются только через неторопливость человеческих отношений [Fløistad, 2002: 30-35].

Подводя итог, можно отметить, что Айзек Азимов, являясь сторонником научно-технического прогресса и веря, что роботов, как и любую другую технологию, человечество способно взять под контроль, тем не менее прописывает образ Саймона Нинхеймера. Человека, который представляет меньшинство противников НТП, который делает всё, чтобы защитить людей от угрозы, исходящей от искусственного интеллекта как одной из вершин научной деятельности. Подобно луддитам XIX в., Нинхеймер рискует едва ли не всем, что у него есть — и проигрывает. Но в реальности дело борцов с технологиями продолжает жить. На смену луддитам приходят анархо-примитивисты, энвайронменталисты, сторонники устойчивого развития, альтернативной энергетики, медленного движения... Те, кого сегодня принято называть неолуддитами. И хотя людей, призывающих к осторожному и вдумчивому использованию технологий, становится

всё больше, их взгляды, во многом из-за деятельности представителей радикальных ответвлений движения, всё равно воспринимаются обществом как контркультура. Возможно, со временем отношение к ним изменится и превратится в ощущение, которое испытывает роботсихолог, уходя

от потерявшего работу, статус и репутацию С. Нинхеймера в «Рабе корректуры»: «Она пыталась что было сил заглушить колющее чувство симпатии к загубленному человеку. Нельзя сказать, чтобы ей это полностью удалось» [Азимов, 2008: 89].

THE IMAGE OF THE OPPONENT OF TECHNOLOGICAL INNOVATION IN *GALLEY SLAVE* BY A. ASIMOV: MODERN INTERPRETATION

A.E. Ulanova

Aleksandra E. Ulanova — PhD student of the Department of philosophy, MGIMO University. 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: aleksa.ulanova@yandex.ru

Ulanova A.E. 2020. The image of the opponent of technological innovation in *Galley Slave* by A.Asimov: modern interpretation. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. Vol. 4. No 2 (14). P. 135–143. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-2-14-135-143>

Received: 09.10.2019. Accepted: 30.03.2020.

Conflicts of interest. The author declares the absence of conflicts of interest.

Abstract. *The image of Simon Ninheimer — the opponent of scientific and technological progress — is described by A. Azimov in the story «Galley Slave». It is used to develop the idea of resistance to mechanization, which is now finding increasingly supporters due to the increased influence of information and communication technologies in general and artificial intelligence and robotics in particular. The historical and conceptual foundations of neo-luddism are linked with modern trends calling for a gradual, controlled innovation. It is noticed that the ideas of the luddites have been preserved in romantic literature and transformed into neo-luddism in the 20th century. The theorists of this movement use philosophical concepts of different epochs (e.g. Socrates, J.-J. Rousseau and M. Heidegger) to confirm the legitimacy of their own status. As a result, in the 21st century more moderate areas of struggle against scientific and technological progress are actively developing under the influence of postmodernism. For example, the slow movement is growing strength, and its supporters are trying to slow down the pace of life and are calling for a thoughtful, responsible attitude towards emerging technologies. The positions underlying the slow movement are in tune with the dromology of P. Virilio and the slow philosophy of G. Fleistad. However, neo-luddism has social status of counterculture, but the situation can be changed due to the rapid and sometimes uncontrollable development of technology.*

Keywords: luddism, neo-luddism, slow movement, dromology, panglossianism, gestell, ICT, robot, artificial intelligence, technology.

References:

- Fløistad G. 2002. *Studier ilangsomhetensfilosofi, Bind I. Ledelsesfilosofi*. 332 s.
Glendinning C. 1990. Notes toward a Neo-Luddite Manifesto. *Utne Reader*. Vol. 38. №. 1. P. 50-53.

Hunt-Bull N.A. 2006. *Neo-Luddite Manifesto: or Why I Do Not Love Robots*. P. 1-5. Available at: https://www.researchgate.net/publication/239838409_A_Neo-Luddite_Manifesto_or_Why_I_Do_Not_Love_Robots (accessed 13.06.2020).

Jones S.E. 2013. *Against Technology: From the Luddites to Neo-Luddism*. Oxford: Routledge. 288 p.

Lennerfors T.T. 2014. Sustainable and fast ICT: lessons from dromology. *Journal of Information, Communication and Ethics in Society*. Vol. 12. № 4. P. 284-297.

Patrignani N., Whitehouse D. 2014. Slow Tech: a quest for good, clean and fair ICT. *Journal of Information, Communication and Ethics in Society*. Vol. 12. № 2. P. 78-92.

Smith G.B. 1991. Heidegger, technology and postmodernity. *The Social Science Journal*. Vol. 28. №. 3. P. 369-389.

Virilio P. 2012. *The Great Accelerator*. Cambridge: Polity Press. 100 p.

Asimov I. 2008. *Ves' Azimov. Ia, robot* [All of Asimov. I, robot]. Trans. by S. Berezhkov. Moscow: Eksmo. 180 p. (In Russian).

Berdyayev N. 1933. Chelovek i mashina (problema sotsiologii i metafiziki tekhniki). [Man and Machine (problem of sociology and metaphysics of technology)]. *Put'*. № 38. P. 3-38 (In Russian).

Bibikhin V. 1989. Khaidegger [Heidegger]. *Znanie — sila*. № 10. P. 60-69 (In Russian).

Heidegger M. 1967. *Sein und Zeit*. 11te Auflage. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. 450 s. (In German) (Russ. ed.: Heidegger M. 1993. *Vremia i bytie (stat'i i vystupleniia)*. Trans. by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika. 447 p.).

Honore C. 2017. *Bez suety. Kak perestat' speshit' i nachat' zhit'* [No fuss. How to stop rushing and begin to live]. Trans. by L. Summ. Moscow: Al'pina Publisher. 260 p. (In Russian).

Oizerman T. 2009. Plodotvornaia protivorechivost' filosofsko-istoricheskikh i obshchestvenno-politicheskikh vozzrenii (Sotsial'naiia filosofii Zhana-Zhaka Russo) [Productive contradiction of philosophical-historical and socio-political views (Social philosophy of Jean-Jacques Rousseau)]. *Voprosy filosofii*. № 5. P. 133-149 (In Russian).

Plato. 1993. *Sobr. soch. v 4-kh tomakh. Tom 2* [Collected works in 4 volumes. Vol. 2]. Trans. by A. Egunov. Moscow: Mysl'. 992 p. (In Russian).

Rousseau J.-J. 2012. Rassuzhdenie o naukakh i iskusstvakh, poluchivshee premiiu Dizhonskoi akademii v 1750 godu, na temu, predlozhennuiu etoi zhe akademiei: Sposobstvovalo li vozrozhdenie nauk i iskusstv uluchsheniiu нравов? [Discourse on the Arts and Sciences which was awarded the prize by the Academy of Dijon in the year 1750 on this question, which the Academy itself proposed: Has the restoration of the sciences and the arts contributed to refining moral practices?]. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*. № 2. P. 54-79 (In Russian).

Sidorov A. 2012. Pol' Viril'o: telo, skorost' i sovremennoe iskusstvo [Paul Virilio: body, speed and contemporary art]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. Vol. 2. № 3. P. 137-144 (In Russian).

Silant'eva M. 2017. Filosofii kul'tury Nikolaia Berdiaeva o perspektivakh «Postkrizisnogo mira»: metodologicheskie aspekty intellektual'noi modeli «Novogo srednevekov'ia» [Philosophy of culture of Nikolai Berdyayev on the prospects of the «Post-Crisis World»: the methodological aspects of the intellectual model of the «New Middle Ages»]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsiologicheskie nauki*. Vol. 12. № 3. P. 71-79 (In Russian).

Toffler A. 2002. *Shok budushchego* [Future Shock]. Trans. by K. Burmistrov et al. Moscow: ACT. 557 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Азимов А. 2008. *Весь Азимов. Я, робот*. / Пер. с англ. С. Бережкова. Москва: Эксмо. 180 с.

Бердяев Н.А. 1933. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники). *Путь*. № 38. С. 3-38.

Бибихин В.В. 1989. Хайдеггер. *Знание — сила*. № 10. С. 60-69.

ОйзерманТ.И. 2009. Плодотворная противоречивость философско-исторических и общественно-политических воззрений (Социальная философия Жана-Жака Руссо). *Вопросы философии*. № 5. С. 133-149.

Оноре К. 2017. *Без суеты. Как перестать спешить и начать жить*. Пер. с англ. Л. Сумм. Москва: Альпина Паблишер. 260 с.

Платон. 1993. *Собр. соч. в 4-х томах. Том 2*. Пер. А.Н. Егунова. М.: Мысль. 992 с.

Руссо Ж.-Ж. 2012. Рассуждение о науках и искусствах, получившее премию Дижонской академии в 1750 году, на тему, предложенную этой же академией: Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов? *Историко-педагогический журнал*. № 2. С. 54-79.

Сидоров А.М. 2012. Поль Вирильо: тело, скорость и современное искусство. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. Т. 2. № 3. С. 137-144.

Силантьева М.В. 2017. Философия культуры Николая Бердяева о перспективах «Посткризисного мира»: методологические аспекты интеллектуальной модели «Нового средневековья». *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки*. Т. 12. № 3. С. 71-79.

Тоффлер Э. 2002. *Шок будущего*. Пер. К. Бурмистрова и др. Москва: АСТ. 557 с.

Хайдеггер М. 1993. *Время и бытие (статьи и выступления)*. Пер. В.В. Бибихина. Москва: Республика. 447 с.